

Раздел III. ИСТОРИЯ

УДК 273 + 908

Для цитирования: Воробьев М.В., прот., Уразаев Д.Р., диак. Иргизский уникум. Складень из фондов Пугачевского краеведческого музея // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 1 (16). С. 64–76.

Протоиерей Михаил Викторович Воробьев,
клирик Благовещенской церкви г. Вольска
istucar@mail.ru

диакон Денис Русланович Уразаев,
студент Саратовской православной духовной семинарии,
Российская Федерация,
410028, г. Саратов, ул. Мичурина, 92
denis-konkord@mail.ru

Иргизский уникум. Складень из фондов Пугачевского краеведческого музея

Протоиерей М.В. ВОРОБЬЕВ,
диакон Д.Р. УРАЗАЕВ

Аннотация: Статья посвящена истории, описанию и анализу дорожной иконы-складня, находящегося в фондах Пугачевского краеведческого музея. В тексте после общего описания особенностей складней как религиозного атрибута анализируются причины широкого распространения складней в старообрядческой культуре XVIII–XIX веков и их особенности. Далее дается непосредственное научно-богословское описание иргизского складня, делаются предположения о его происхождении в контексте истории старообрядчества на Иргизе.

Ключевые слова: иконопись, иконостас, складень, старообрядчество, единоверие.

Не имамы zde пребывающего града, но грядущего взыскуем (Евр. 13, 14) — эти слова апостола Павла определяют особый статус христианина как человека, постоянно пребывающего в пути, переходящего от временного земного отечества к Небесному Иерусалиму.

Архетип странствования глубоко укоренен в церковной культуре. Литии, крестные ходы, паломничества к чтимым святыням занимают

значительное место в жизни православного человека, постоянно напоминая ему, что жизнь христианина — это движение от греха к святости, духовное преобразование, невозможное без терпеливого несения креста.

Церковь различает путешествия, вызванные житейской необходимостью, и путешествия, которые являются выражением благочестия, желанием потрудиться Христа ради, поклониться далеким святыням, помолиться там, где совершали свой подвиг великие угодники прошлого. Православного человека всегда притягивали Палестина, Святая Гора Афон, мать городов русских Киев, Соловки и другие северные монастыри.

Интересно отметить, что само слово «паломник» связано не только с каким-то религиозным действием и чувством, но и с природным человеческим любопытством, страстью к диковинкам и чудесам, весьма художественно описанным в средневековых русских «Физиологах».

Возвращавшиеся из Палестины странники несли с собой пальмовые ветви, наверное, затем, чтобы показать, что же представляют собой знаменитые вайи, которые в русском обиходе так трогательно заменяются вербой. Первый литературный памятник, описывающий путешествие в Святую землю русского игумена Даниила, относится к XII столетию. Видимо, эти знаменитые «ветки Палестины» были столь многочисленны, что и сами странники по святым местам стали называться паломниками.

В национальном характере русского человека благочестивая традиция паломничества становится едва ли не фундаментальным принципом христианской веры. Эта традиция накладывается на природные и исторические условия народной жизни. Бескрайние просторы Отечества требуют освоения, постоянного перемещения, так что жизнь и самого маленького человека обязательно сопряжена с путешествием.

При этом ни русские, ни славяне никогда не были кочевым народом. Стремление к оседлости, своему дому, предназначенному для жизни нескольких поколений, любовь к родному пепелищу и отеческим гробам составляют основной психологический норматив русского человека. И, может быть, только всеевропейские бродяги норманны, известные на Руси под именем варягов, внесли свою страсть к путешествиям в генетическую память народа.

Эти два фактора определили амбивалентный характер мифологемы путешествия в русской культуре. С одной стороны, возможность побывать в далеких городах и странах привлекает и манит с невероятной силой. Необъяснимая тоска гонит семейного человека из дома, заставляет его бросить семью, влечет его в незнакомые земли, заставляет искать неведомое Беловодье, баснословное Опоньское царство — земной образ Небесного Царства, где нет фальши и лжи, несправедливости и насилия.

С другой стороны, путешествие — это всегда разлука, уход из родного дома, часто без надежды на возвращение. Поэтому путь-дорога всегда сопряжена с тревогой, слезами, забвением. Странники назывались людьми сирыми, не имеющими никакой собственности. И сами дороги, по которым из центральных областей России в степи, на Урал, в Хиву брели беглые крестьяне, преследуемые властью преступники, раскольники и сектанты, назывались сиротскими путями.

Постоянная готовность отправиться в путь, выразившаяся в замечательной поговорке «Нищему собраться — только подпоясаться», отнюдь не роднит русского человека с кочевником. В неодолимой тяге к странствию выражается стремление к духовной свободе. Как заметил Бердяев: «Странник — самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник — свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника»¹.

Идея странничества как неизбежной доли христианина в условиях духовно воцарившегося антихриста утверждается в старообрядчестве. Даже в 50-е годы XX столетия в Восточносибирской тайге существовали многолюдные поселения старообрядцев часовенного согласия, которые могли жить десятилетиями, обзаводясь всем необходимым хозяйством, но стоило появиться хоть какому-то представителю советской власти, как все село, бросая избы и весь скарб, снималось с места и строило новое жилье за сотни верст в еще более глухом и недоступном лесу.

---

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 12.

Выделившиеся в XVIII столетии из филипповского согласия бегуны возвели принцип постоянного скитания по свету в главную вероучительную формулу своего согласия.

Но не одни бегуны связали свою жизнь с постоянным странствием. Тысячи старообрядцев скитались по свету, надеясь найти неповрежденное «Никоновыми новинами» священство. В этой среде возникают фантастические путеводители, подробно описывающие дорогу в счастливую землю, где от века сохраняется благочестие отцов.

Оторванный от родного дома странник всегда одинок. Он нуждается в защите высших сил. Ему необходимо иметь на себе нательный крест, образок, путевую икону, которые должны быть не просто куплены или взяты из дома, но получены как благословение от родителей, близких, друзей.

Вольному и невольному русскому путешественнику: воину, страннику, беженцу, пленнику, узнику — часто приходится молиться вне храма. Однако русскому человеку без церкви плохо. Поэтому, начиная с глубокой древности, наряду с путевыми иконами, маленькими образками, которые можно было взять с собой в дорогу, появляются складни, которые, даже если они состоят только из двух створок, можно считать путевыми иконостасами.

Иконостас — самая заметная и необходимая часть православного храма. Иконостас — это первое, что бросается в глаза каждому человеку, который входит в православный храм. Это — символ единения земной Церкви, состоящей из живущих на земле верующих людей, и Церкви Небесной, в которую входят прославленные Богом святые. Русский человек настолько сроднился с иконостасом, что хотел иметь его при себе и тогда, когда не было никакой возможности побывать в церкви.

Иконостас, который является образом и символом Церкви, присутствует не только в храме. Он в том или ином виде присутствует и в повседневной жизни человека. Домашний киот, уставленный множеством икон, является не чем иным, как домашним иконостасом. Его смысл состоит в напоминании о том, что хотя молитва — это личное обращение к Богу, но совершается оно в присутствии всей Церкви.

Путевые складни — эти «иконы иконостасов», изготовленные из литой меди, получили особенное распространение в среде старообрядцев. Не имея возможности устроить стационарный храм,

старообрядцы на протяжении целых столетий совершали богослужения в тайных молельнях, разворачивая походные иконостасы или просто раскрывая медные складни. Примечательно, что наибольшее распространение такие складни получили в поморском и других беспоповских согласиях. Беспоповцы не нуждались в иконостасе с функциональной точки зрения, так как, не имея священников и не совершая Евхаристии, обходились без алтарей. Но ощущение соборности, которое давал медный складень-иконостас, было и для них необходимым условием молитвы.

Литая путевая икона для старообрядцев стала насущной необходимостью. Бережно сохраняя драгоценные иконы дониконовского времени, ревнители «древлего благочестия» нуждались в «обиходных» иконах, которые можно было перевозить на огромные расстояния вместе со всем хозяйственным скарбом, не опасаясь того, что икона деформируется и расколется, а живопись окажется поврежденной. Именно в этих условиях происходит второе рождение известной еще с домонгольских времен литой медной иконы. XVIII столетие становится временем настоящего расцвета старообрядческого медного литья. Это время обогащения старых иконографических сюжетов, появление новых многофигурных композиций, изобретение в Выговском монастыре «больших створ» — невиданного ранее четырехстворчатого складня, где наряду с двенадцатью главными праздниками изображается Новозаветная Троица, Распятие, образ Похвалы Богородицы, сюжеты поклонения наиболее почитаемым чудотворным иконам. Расцвеченные многочисленными эмальями, иногда вызолоченные, эти большие створы становились настоящими путевыми иконостасами, которые вместе с молитвами странников впитывали в себя историю громадных староверческих семейств, толков и согласий, разбросанных на огромных пространствах: от Австро-Венгерской империи до Восточной Сибири.

Большие створы отливались, наверное, самыми большими тиражами — путевой иконостас хотела иметь каждая старообрядческая семья. Однако до нашего времени в полном четырехстворчатом составе дошли немногие из них. Со временем разрушался даже веками проверенный на прочность уклад старообрядческого семейного быта. Семья распадалась, сыновья уходили на сторону, и, когда умирал последний хранитель семейного иконостаса, складень разбирался на части,

каждая из которых уходила в новую семью. И по сей день во многих русских семьях, которые едва помнят о своих старообрядческих корнях, хранятся потемневшие, стершиеся почти до полной неразличимости изображений отдельные створки праздничного складня.

Первые «большие створы» были отлиты на Выге в начале XVIII века (самый ранний датированный складень относится к 1717 году). До конца этого столетия эти сложные в изготовлении, дорогостоящие изделия были немногочисленны. В картуше, расположенном на обороте одной из створок, иногда гравировалось имя заказчика, для которого отливался складень.

В XIX веке производство «больших створ» становится массовым. Их отливают в Москве, на Урале, в других регионах страны. Предметы значительно упрощаются, постепенно исчезают картуш, появляются модификации в изображении различных сюжетов (праздник Троицы, Воскресение Христово). Мастерские, занимающиеся изготовлением складней, учитывают конфессиональные особенности отдельных старообрядческих согласий. Например, в композиции Распятия, размещенной в верхней части левой створки, Нерукотворный образ Спаса заменяется изображением Саваофа, что делает «большие створы» пригодными для употребления беспоповцами федосеевского согласия.

Сохранность медной пластики в целом невелика. Вызолоченные изделия при бережном хранении не теряли первоначального вида в течение столетий. Хорошие шансы сохраниться без повреждений имела многоэмальная пластика, сохранявшая яркий привлекательный вид даже в случае окисления металла. Однако рядовые изделия, попадавшие в семьи со специфическим представлением о благочестии и красоте, в подавляющем большинстве погибали, подвергаясь беспощадной чистке щелоком и толченым кирпичом. При этом превратившиеся почти в гладкие пластины изделия не выбрасывались. Они продолжали считаться иконами и по привычке вновь начищались к Рождеству и Пасхе.

Одно из таких изделий, неожиданно получивших вторую жизнь, было недавно обнаружено в фондах Пугачевского краеведческого музея, куда поступило в 1920-е годы из одного иргизского монастыря.

Уникальный предмет представляет собой четырехстворчатый меднолитой складень, на лицевой поверхности створок которого

Фото складня из фондов Пугачевского краеведческого музея

прямо по металлу нанесены масляные иконописные изображения. На обороте второй слева створки присутствует традиционное для этого вида изделий литое изображение орнаментированного голгофского креста с традиционной же молитвой: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...». Обороты остальных створок гладкие, что позволяет датировать изделие XIX столетием.

У коллекционера, впервые держащего в руках иргизский складень, возникают две версии появления этого чуда. Можно предположить, что его металлическая основа изначально была отлита гладкой, будучи предназначенной под живопись. Однако полное отсутствие упоминаний о подобной практике и отсутствие таких вещей в известных коллекциях делают эту версию маловероятной.

Естественнее предположить, что мы имеем дело с обычными большими створами, истершимися от чересчур добросовестной чистки до полной неразличимости сюжетов, которые по какой-то причине было жалко выбрасывать или отправлять на переплавку. Испорченный складень стал объектом эксперимента безвестного иконописца, который, ничтоже сумняшеся, попробовал дать ему вторую жизнь, отшлифовал створки и написал прямо по металлу, с присущей старобрядцам склонностью к замысловатости, четыре различных извода одного нечастого сюжета.

О том, что это именно результат эксперимента, говорит некоторая неуверенность художника, который, хотя и был несомненным мастером иконной миниатюры, не знал особенностей работы по металлу. Отсутствие лессировки делает изображения недостаточно четкими и шероховатыми.

Сюжетная мотивация иконописца-экспериментатора каким-то образом связана с четвертой створкой стандартного складня, который является четырехчастником, и с изображениями поклонения четырем чудотворным иконам: Владимирской, Тихвинской, Знамения и Смоленской. На нашем живописном складне каждая створка становится одним из изводов редкого сюжета «Похвалы Богородицы». Возможно, выбранная четырехчастная композиция выражала некоторую богословскую идею, поскольку четыре образа объединены лентой, которая проходит по верхнему краю килевидного завершения створок, с обращенной к Божией Матери молитвой «Достойно есть...».

Нечеткость изображений не позволяет точно определить святых, изображенных на иконах, однако общая композиция может быть описана достаточно точно.

Левая створка. Нижний ряд — изображения святых, отличавшихся в своей земной жизни особенной любовью к Божией Матери. Двое из них держат в руках развернутые свитки с обращенными к Ней молитвами. Левый из них, облаченный в диаконский стихарь, может с большой долей уверенности быть идентифицирован как святой Роман Сладкопевец. А сам текст как начало Рождественского кондака «Дева днесь Пресущественного раждает...»².

Святые стоят на земле, отмеченной холмами и возвышениями. Выше в круге, внешнюю часть которого составляет кольцо, образованное шестикрылыми серафимами огненно-красного цвета, находится изображение восседающей на престоле Богоматери с Младенцем Иисусом. Круг поддерживается двумя коленопреклоненными ангелами. По сторонам — изображения двух святых со свитками в руках: святителя в фелони и омофоре со специфической восточной митрой на голове — справа (от Богородицы) и преподобного в мантии — слева. Над кругом — поясное изображение Спаса, окруженного сонмом небесных сил бесплотных. Еще выше, прямо под верхней килевидной кромкой, — поддерживаемая по краям ангелами лента с надписью: «Достой есть яко воистину блажити Тя Богородице».

Вторая слева створка имеет сходную композицию, однако отличается существенными деталями. Внешняя часть круга ограничена кольцом шестикрылых херувимов присущего им зеленого цвета. В центре круга — ростовое изображение Божией Матери — Нерушимая Стена, или Оранта без Младенца. Слева и справа от круга — по три святых со свитками. Справа от Богоматери угадываются апостолы. Слева — ветхозаветные пророки. Над кругом — поясное изображение Спаса — Великого Архиерея с поясными же изображениями предстоящих архангелов. На ленте сверху надпись: «Присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего».

Третья слева створка имеет самую сложную четырехрядную композицию, напоминающую «Шестоднев».

² См.: Служба Рождеству Господа нашего Иисуса Христа // Миния праздничная с добавлением служб из Троицы постных и цветных. М., 2002. С. 216.

Нижний ряд образован сонмом ангелов и святых. Второй снизу ряд образован шестью архангелами с зеркалами и мерилami в руках, стоящих по трое слева и справа от Богородицы. Между ними, ниже Богоматери — два шестикрылых херувима. Третий снизу ряд так же образован двумя тройками: святители в саккосах, омофорах и митрах. Второй слева (от Богородицы) в мантии, крайний слева — в фелони. Между двумя группами святителей — два шестикрылых херувима. На фоне второго и третьего ряда — ростовое изображение Божией Матери с Младенцем Иисусом, помещенное в восьмиконечную звезду, образованную овалом и двумя ромбами с вогнутыми сторонами. Верхний ряд состоит из двух троек святых, разделенных композицией из пяти херувимов. Справа от Богородицы — группа святых воинов, облаченных в доспехи, слева — святые, которых трудно идентифицировать. Одинокiй ангел держит ленту с надписью: «Честнейшую херувим и славнейшую воистину серафим».

Правая створка очень похожа на левую. Во внешнем кольце круга на оливковом фоне десять медальонов с оглавными изображениями разных святых. Лента сверху несет надпись: «Без исления Бога Слова рождшую сущую Богородицу Тя величаем». Лента поддерживается двумя святителями в фелонях и омофорах, на левом (от Богородицы) надета митра.

Икона Похвалы Пресвятой Богородицы не относится к числу широко известных на Руси. Однако для нее есть свой праздник, установленный в IX столетии и приуроченный к субботе пятой недели Великого поста. На утрени этого праздника читается акафист Божией Матери, написанный, по преданию (не вполне достоверному), Константинопольским Патриархом Сергием в память заступничества Богородицы при нападении аваров на Константинополь в 626 году³.

Иргизские монастыри на рубеже XVIII и XIX столетий были одним из крупнейших центров старообрядчества в России. Начало им положили выходцы из Польши, получившие по указу императрицы Екатерины Великой право вернуться в Отечество и поселиться по Иргизу, левому притоку Волги, впадавшему в Волгу напротив слободы Малыковки, получившей в 1780 году статус города и названной

³ См.: Казачков Ю. А. Акафист // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 373.

Волгском (современный г. Вольск Саратовской области). Первый из них, Нижне-Воскресенский монастырь, называвшийся первоначально Авраамиевым скитом, был основан в 1762 году.⁴ Примерно в это же время были основаны Исаакиев и Филаретов скиты, объединившиеся впоследствии в Средне-Никольский монастырь⁵. Еще выше по Иргизу близ слободы Мечетной (впоследствии г. Николаевск, ныне — г. Пугачев) появился Верхне-Спасо-Преображенский монастырь⁶. В последующие два десятилетия появились две женские обители: Покровский и Успенский женские монастыри⁷.

В это время Иргиз становится центром так называемой «поповской исправы». Не имеющие епископов старообрядцы могли получить священников, рукоположенных только в Синодальной Церкви. Такие изъявившие согласие на переход к старообрядцам иереи назывались «беглыми попами», так как покидали свои приходы без дозволения священноначалия. Правительство мирилось с существованием беглопоповства, так как беспоповские старообрядческие согласия отличались большей непримиримостью к государству во всех его проявлениях, а их вероучение еще дальше отходило от канонического православия. Беглых попов, получивших поставление от «никонианских» архиереев, нужно было каким-то образом «исправлять», делать пригодными для служения в «неповрежденной» старообрядческой Церкви.

После долгих споров «поповскую исправу» решили совершать через помазание святым миром — особым веществом, которое применяется при совершении Миропомазания после Крещения и при освящении храмов. Ситуация осложнилась тем, что воспользоваться «никонианским» миром было никак не возможно, а для приготовления и освящения своего у старообрядцев (до 1846 года) не было своего архиерея.

⁴ См.: Добротворский И. М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их в единоверие // Православный собеседник. Казань. 1857. Ч. 1. № 2. С. 382.

⁵ См.: «Ведомость об основании Никольского бывшего старообрядческого, а ныне единоверческого женского монастыря», составленная в 1877 г., указывает время основания Пахомиева скита 1764 г. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Ед. хр. 214. Л. 1.

⁶ См.: «Ведомость об основании Верхне-Спасо-Преображенского бывшего старообрядческого, а ныне единоверческого мужского монастыря», составленная в 1864 г., указывает время основания Исаакиева скита 1755 г., что, вероятнее всего, является ошибкой. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Ед. хр. 110. Л. 2.

⁷ См.: Мордовцев Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книга Саратовской губернии на 1860 г. Саратов, 1861. Ч. 3. С. 39.

Предприимчивый инок Верхне-Спасо-Преображенского монастыря Сергей Юршев (тоже выходец из Польши) объявил, что у него есть некий запас святого мира, освященного еще патриархом Иосифом, предшественником учинившего церковную смуту Никона.

Беглые попы пошли на Иргиз толпами. Здесь они проклинали «Никоновы новины», учились служить по старому обряду, перемазывались тысячекратно разведенным якобы Иосифовым миром. После этого «исправленные» священнослужители отправлялись в старообрядческие поселения, иногда на время, а иногда и для постоянной службы.

Предоставление «на время» и «навсегда» исправленного священнослужителя предполагало немалое пожертвование со стороны принимавшей его общины. Помимо этого дохода монастыри пользовались обильными подношениями купцов, которые почти все «ходили по старой вере».

Императрица Екатерина Великая относилась к старообрядцам вполне благосклонно. Даже разбойник Пугачев, находивший на Иргизе и стол, и дом, не смог скомпрометировать благочестивых старцев. Правительственные прещения коснулись Иргиза лишь косвенно: военная экспедиция 1797 года ограничилась всего лишь изгнанием из стен мужского Средне-Никольского монастыря проживавших там стариц и белиц, которые переместились в женские обители⁸.

Политики Екатерины придерживался и ее державнейший сын Павел, принимавший в своих покоях иргизских старцев и даже пожертвовавший 6000 рублей на восстановление погоревшего Средне-Никольского монастыря⁹. Никаких притеснений не испытывали обитатели Иргиза и в царствование Александра Благословенного.

Положение коренным образом изменилось в эпоху Николая Павловича. Деятельным соратником императора по искоренению раскола стал Саратовско-Царицынский епископ Иаков (Вечерков). Ему не смогла оказать сопротивление и стоявшая горой за старообрядцев местная власть. В 1829 году был приведен к единоверию Нижне-Воскресенский монастырь¹⁰. В 1837-м — Средне-Никольский

⁸ См.: Добротворский И.М. Указ. соч. С. 416.

⁹ См.: Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. Т. 1. Саратов, 1888. С. 168.

¹⁰ См.: Там же. С. 300.

(ставший женским)¹¹. В 1841 году — Верхне-Спасо-Преображенский. Успенский и Покровский женские монастыри были вовсе упразднены¹².

Став единоверческими, иргизские обитатели быстро потеряли свою славу. Центр старообрядческой поповщины на Волге переместился в Черемшаны, предместье уездного городка Хвалынска, где в середине XIX столетия образовался мужской монастырь и несколько женских обителей. Все они, за исключением одного женского скита, продолжавшего оставаться беллопоповским, придерживались так называемой «австрийской», или Белокриницкой, иерархии, созданной перешедшим к старообрядцам из Константинопольского Патриархата Боснийским митрополитом Амвросием.

Единоверческие иргизские монастыри прекратили свое существование почти сразу же после Октябрьского переворота. Посетивший их в 1923 году историк М. Н. Тихомиров обнаружил пустыню. Из всего богатства, которым когда-то славилась эти места, оставались лишь церкви, в которых царил беспорядок и безмолвие. Все ценные вещи: иконы, рукописи и старопечатные книги — находились в неприглядном виде. Все, что удалось собрать, было передано в Пугачевский краеведческий музей. Описанный в нашей статье складень оказался в числе его первых экспонатов. Среди множества мусора и пыли в ризнице М. Н. Тихомировым была найдена в плащаница XVI века, вышитая женой князя В. А. Старицкого. Находка была направлена сначала в г. Самару, а позже помещена в Московский Исторический музей¹³.

Огромное количество ценностей: рукописных книг, облачений, предметов церковной утвари — было уничтожено. Немногочисленные предметы, сохраненные музейными работниками, украшают экспозицию Пугачевского краеведческого музея. Старинные книги с мастерски выполненными цветными миниатюрами и заставками бережно хранятся в научных библиотеках Московского и Саратовского университетов.

«Святу месту не быть пусту» — эта пословица оправдала себя в отношении Иргиза в первоначальном смысле. Два монастыря на Иргизе воз-

¹¹ См.: Чернышевский Г. И., прот. Историческое описание обращения Средне-Никольского, что на Иргизе, раскольнического монастыря в единоверческий. Рукопись. Пугачевский краеведческий музей. Научный архив. № 6.

¹² См.: Соколов Н. С. Указ. соч. С. 398, 402; Фадеев А. М. Воспоминания // Русский архив. 1891. Кн. 2. С. 22.

¹³ См.: Тихомиров М. Н. Описание состояния Спасо-Преображенского и Никольского монастырей на Иргизе. Рукопись. Пугачевский краеведческий музей. Научный архив. № 34.

вращены к жизни, в 1997 году возобновилось богослужение в Никольском храме бывшего Средне-Никольского монастыря, а 27 декабря 2005 года Священный Синод благословил открытие Иргизского Воскресенского монастыря на месте прежней Нижне-Воскресенской обители¹⁴. Число монашествующих здесь пока невелико. Однако уже обустроены храмы и кельи. Совершаются регулярные богослужения. Растет число паломников, привлекаемых духом подлинного древнего благочестия, который продолжает жить в этом святом месте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добротворский, И. М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. Казань, 1857. Ч. 1. № 2.
2. Казачков, Ю. А. Акафист // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 371–381.
3. Мордовцев, Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книга Саратовской губернии на 1860 г. Саратов, 1861. Ч. 3.
4. Служба Рождеству Господа нашего Иисуса Христа // Минея праздничная с добавлением служб из Триоди постных и цветных. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2002.
5. Соколов, Н. С. Раскол в Саратовском крае. Т. 1. Саратов, 1888. 514 с.
6. Тихомиров, М. Н. Описание состояния Спасо-Преображенского и Никольского монастырей на Иргизе. Рукопись. Пугачевский краеведческий музей. Научный архив. № 34.
7. Фадеев, А. М. Воспоминания // Русский архив. 1891. Кн. 2.
8. Хачаянц, А. Г. Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 26. С. 356–364.
9. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Ед. хр. 110. Л. 2.
10. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Ед. хр. 214. Л. 1.
11. Чернышевский Г. И., прот. Историческое описание обращения Средне-Никольского, что на Иргизе, раскольнического монастыря в единоверческий. Рукопись. Пугачевский краеведческий музей. Научный архив. № 6.

¹⁴ См.: Хачаянц А. Г. Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 359.

UDC 273 + 908

For citation: Vorobyov M., archpriest, Urazaev D., deacon. Irgizskiy unikum. Skladen' iz fondov Pugachevskogo krayevedcheskogo muzeya. [Irgiz unique thing. The folding icon from the funds of the Pugachev museum of local history] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2022. No 1 (16). pp. 64–78.

Archpriest Mikhail Vorobyov,

Cleric, Annunciation Church of Volsk
istucar@mail.ru

deacon Denis Urazaev,

student, Saratov Orthodox Theological Seminary,
92 Michurina str., Saratov, 410028,
Russian Federation
denis-konkord@mail.ru

Irgiz Unique Thing. The Folding Icon From The Funds Of The Pugachev Museum Of Local History

Archpriest M. VOROBYOV, deacon D. URAZAEV

Abstract: The article is devoted to the history, description and analysis of the road folding icon located in the funds of the Pugachev Museum of Local History. The text, after a general description of the features of the folding icon as a special religious attribute, analyzes the reasons for the widespread distribution of folding icons in the Old Believer culture of the 18th-19th centuries and the icons' features. Next, a direct scientific and theological description of the Irgiz folding icon is given, assumptions about its origin in the context of the history of the Irgiz Old Believers are made.

Keywords: icon painting, iconostasis, folding icon, Old Believers, Edinoverie (coreligionism).

REFERENCES

1. Kazachkov Iu. (2000) Akafist [Akathist] // Pravoslavnaya entsiklopediya. M.: Church-Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”. Vol.1. pp. 371-381. (in Russian).
2. Khachaiants A. (2011) “Irgizskie monastiri” [Irgiz monasteries] // Pravoslavnaya entsiklopediya. M.: Church-Scientific Center “Orthodox Encyclopedia», 2011. Vol. 26. pp. 356-364. (in Russian).